

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_3_5

ПРОБЛЕМА ДЕЛЕНИЯ ПРАВА НА ЧАСТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

Критически переосмысливается идея деления права на частное и публичное с точки зрения ее соответствия природе права. Анализируются исторические причины появления данной классификации и ее дальнейшего использования в западной правовой культуре, а также в российской юридической науке и законодательстве. Главная задача, по мнению автора, заключается не в том, чтобы подвести теоретические основания под уже существующую основную правовую классификацию, уточнить или модифицировать сформулированный двадцать веков назад критерий деления права на частное и публичное, а в том, чтобы соотнести формулу Ульпиана с современными представлениями о праве, его сущности, предназначении, социальной природе, установить целесообразность, закономерность существующего деления. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что римское основное деление права не отражает социальную природу права, его сущность и предназначение, поэтому следует искать иные основания для разделения правовых сфер, формировать такую систему права, которая не будет заложницей исторического прошлого, нацелена на будущее, на социально-правовой прогресс человечества.

Ключевые слова: система права, правовая классификация, основания деления права, частное право, публичное право, правовой прогресс

Для цитирования: Архипов С. И. Проблема деления права на частное и публичное // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 3. С. 5–18. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_5.

THE PROBLEM OF DIVIDING LAW INTO PRIVATE AND PUBLIC

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

The article critically rethinks the idea of dividing law into private and public in terms of its correspondence to the nature of law. The article analyzes the historical reasons for the appearance of this classification and its further use in Western legal culture, as well as in Russian legal science and legislation. The main task, according to the author, is not to bring theoretical foundations to the already existing basic legal classification, to clarify or modify the criterion for dividing law into private and public, formulated twenty centuries ago, but to correlate Ulpian's formula with modern ideas about law, its essence, purpose, social nature, to establish the expediency and regularity of the existing division. As a result of the conducted research, it is concluded that the Roman basic division of law does not reflect the social nature of law, its essence and purpose, therefore it is necessary to look for other grounds for dividing legal spheres, to form a legal system that is not hostage to the historical past, is aimed at the future, at the socio-legal progress of mankind.

Key words: legal system, legal classification, grounds for division of law, private law, public law, legal progress

For citation: Arkhipov S. (2025) The problem of dividing law into private and public. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu juridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 5–18, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_3_5.

Для юристов, изучающих основания классического деления права на частное и публичное, точкой отсчета является известная формула Ульпиана, согласно которой публичное право относится к положению римского государства, а частное – к пользе отдельных лиц (D.1.1.1.2). Однако, как справедливо отмечается в литературе, в Риме еще задолго до Ульпиана различались две правовые сферы: «Тит Ливий (I в. н. э.), очевидно, пользуясь уже сложившейся терминологией, говорит, что законы XII таблиц являются источником всего публичного и частного права»¹. Анализ Институций Гая, работ Цицерона, других античных авторов позволяет утверждать, что в Древнем Риме деление права на публичное и частное существовало задолго до Ульпиана и применялось не только в отношении нормативных предписаний, законов, но и, например, при определении правовой природы социальных связей, юридической принадлежности вещей.

Римский юрист Гай писал: «Те же вещи, которые относятся к вещам человеческого права, бывают или частными, или публичными» (10); «Те, которые являются публичными, считаются не принадлежащими никому в качестве имущества; полагают, что они принадлежат самим объединениям, частными вещами являются те, которые принадлежат отдельным лицам» (11)². До Гая основания деления вещей на частные и публичные (общие) обсуждал Цицерон. В трактате «Об обязанностях» (44 г. до н. э.) он отмечал, что частные вещи являются таковыми не по природе, но в результате первоначального захвата, в результате победы или по закону, по соглашению, в силу условия, жребия; поэтому когда кто-либо стремится что-либо присвоить из тех вещей, которые по природе были общими, то он нарушает право человеческого объединения³.

Раскрывая философские основания своей позиции, Цицерон сослался на Платона: «Поскольку мы, как превосходно написано Платоном, рождены не только для нас самих и частью на нас притязает отечество, частью друзья, а также, как полагают стоики, то, что родит земля, создано для пользования всех людей, люди же порождены для людей, чтобы они сами могли приносить пользу одни другим, мы должны в этом следовать, как вождю, природе, вносить в общий котел общие выгоды, обмениваясь услугами, давая и принимая, там умениями, там трудами, там способностями связывать людей с людьми в общество»⁴. Опираясь на высказанные им соображения, можно предположить, что римское правовое деление вещей, а также нормативных предписаний на частные и публичные основывалось на идеях древнегреческих философов (Платона, Аристотеля, стоиков). Они оказали существенное воздействие на сознание, образ мыслей римских юристов, их правовые классификации.

Некоторые российские дореволюционные правоведы, например Г. Ф. Шершеневич, также указывали на тесную связь деления права на частное и публичное с Древней Грецией, ссылаясь при этом на Аристотеля («Риторика») и Демосфена («Timocrates») ⁵. Однако классификация законов, которая была сформулирована Аристотелем в «Риторике», существенно отличается от деления правовых сфер, предложенного Ульпианом. Он писал: «Я утверждаю, что существует закон частный и закон общий; частным я называю тот закон, который установлен каждым народом для самого себя; этот закон бывает и писанный, и неписанный. Общим законом я называю закон естественный. Есть нечто справедливое и несправедливое по природе, общее для всех, признаваемое таковым всеми народами, если даже между ними нет никакой связи и никакого соглашения относительно этого»⁶. У классификации Аристотеля, на

¹ Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: КНОРУС, 2014. С. 1–2.

² Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1: Античный мир и Восточные цивилизации. М.: Мысль, 1999. С. 320–321.

³ Там же. С. 254–255.

⁴ Там же. С. 255.

⁵ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2. Вып. 2, 3, 4. М.: Юрид. колледж МГУ, 1995. С. 130.

⁶ Аристотель. Риторика / пер. с гр. Н. Платоновой. СПб.: Тип. В. С. Балашева и К., 1894. С. 63.

наш взгляд, иные основания (частное/общее, справедливое/несправедливое), его общие законы – это нечто иное, чем публичные законы Ульпиана.

Что касается позиции Демосфена, то она была сформулирована им в речи против Тимократа: «Есть... два вида правовых отношений, которые отражены в законах всех государств. Первый из них определяет отношения между согражданами, существующие между ними связи. На их основе решаются частные дела, ими регулируется жизнь сообщества людей. Другой вид таких отношений определяет, как мы должны вести себя по отношению к государству, чем должен руководиться гражданин, собирающийся выступать на политическом поприще и проявляющий, по его словам, заботу о государственных делах»¹. Можно отметить заметное сходство идей греческого философа и римского юриста Ульпиана, но есть важный нюанс, который заключен в словах Демосфена о «политическом поприще» как особой сфере этих отношений, где право сталкивается с политикой. По его мнению, законы, регулирующие частноправовые отношения должны быть мягкими, гуманными; напротив, законы, регулирующие политическую сферу, «должны быть жесткими и суровыми ради вашей же пользы, ибо только при таком условии можно ограничить вред, который политические деятели способны причинить большинству народа»². Он напомнил судьям слова Солона о том, что им следует гораздо более сурово карать тех, кто принимает порочные законы, портит правовые средства обращения в государстве, в сравнении с теми, кто подделывает монету, служащую частным лицам.

Из приведенных высказываний Демосфена можно сделать вывод, важный для понимания сути сформировавшегося в Греции подхода к определению характера, природы отношений, складывающихся в сфере деятельности государства. На наш взгляд, принципиальное отличие позиции греческих философов от римских юристов заключается в том, что для греков в основе публично-правовых отношений, складывающихся в сфере государства, лежала идея не власти, созидающей собственное право, а общей пользы и справедливости. Поэтому Солон, Платон, Демосфен и другие философы призывали к особой («жесткой», «суровой») правовой ответственности политических деятелей за социальный вред, причиняемый ими в результате их решений и поступков. По сути, они признавали данный вид отношений правовыми в силу того, что государство, политические деятели призваны осуществлять не свои особые, а общие интересы, служить праву. Эту идею наиболее четко выразил Платон в книге «Законы»: «Не ради нового словца назвал я сейчас правителей служителями законов, я действительно убежден, что спасение государства зависит от этого больше, чем от чего-то иного... Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги»³.

Мысль Платона, что «мы рождены не только для нас самих», но и для других людей, для отечества, государства, на которую ссылался Цицерон, можно оценивать как свидетельство того, что в греческой демократической по своему духу политической и правовой культуре еще не произошло отрыва, отчуждения государства от индивида, от народа; власть еще не «присвоила» себе право. В Древнем Риме этот процесс отчуждения политической власти от индивида в эпоху Ульпиана достиг апогея; произошел окончательный разрыв двух социальных сфер: публичных и частных отношений, каждая из них получила свое особое право. Принцип *imperium* (власти) стал основой публичного права, *dominium* – частного. Как отметил Гегель, «в этом царстве различие доходит до бесконечного разрыва нравственной жизни на две крайности – на личное частное самосознание и на абстрактную всеобщность»⁴.

Попытки разграничить частные и публичные интересы применительно к праву, закону предпринимались не только в Древней Греции и Риме, но и в Китае. Хань Фэй в III в. до н. э. писал: «Необходимо выяснить, что такое частное и что общее, и расследовать законы. Прежние цари понимали это»⁵. По его мнению, законы устанавлива-

¹ Демосфен. Речи: в 3 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова и др.; пер. с гр. В. Г. Боруховича и др. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 1994. С. 295.

² Там же.

³ Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. С. 473–474.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 376.

⁵ Антология мировой мысли. Т. 1. С. 504.

ются для упразднения частного во имя общего: «...когда законы действуют, частным интересам нет места; частное вносит смуту в закон. Поэтому основное положение и гласит: закон вносит порядок, интересы частных лиц – смуту. Когда законы установлены, нельзя делать того, что преследует личные цели»¹. Таким образом, по словам Хань Фэя, законодатель должен разграничивать общий и частный интересы, но не для того, чтобы им придать значение самостоятельных, образующих систему права элементов, а чтобы исключить частное из права и закона.

В России, как и в Китае, отсутствовали социально-политические и культурно-исторические предпосылки для разделения права на частное и публичное по образцу Древнего Рима. Как отмечал М. М. Сперанский, «от самой древности до времен наших, российское законодательство, исключая двух эпох: при Ярославе и при Петре Великом, действовало и возрастало собственными своими природными силами, и, может быть, одно во всей Европе ничего почти не почерпало в общем источнике законов, в римском праве»². Первый юридический документ, который, по его мнению, имел целью сближение российского права с континентальным европейским, – Наказ Екатерины II, оказавший определенное влияние на умы отечественных юристов и политических деятелей, но при этом не ставший действующим актом.

Российский правовед отмечал внутреннюю противоречивость римского деления законов на естественные и положительные, публичные и частные, полагал, что «сия система, во-первых, есть произвольна и неудобна, и, во-вторых, не может быть приложена к российскому законодательству»³. Законы естественные как веления разума, по представлениям М. М. Сперанского, нельзя противопоставлять законам положительным, первые должны быть основанием для вторых, человеческие законы не должны противоречить разуму. Разделение законов на публичные и частные также неправильно и произвольно: закон состоит из двух частей, из правила и его охранения, охранение всех законов есть сила государственная (публичная), следовательно, все законы суть публичные.

Развивая мысль М. М. Сперанского о неприменимости римского деления права к российскому дореволюционному законодательству, в качестве еще одного важного аргумента против заимствования римского правового опыта можно отметить патриархальный, общинный российский уклад, в котором нет места частному праву, да и «о лицах трактовать в системе наших прав гражданских в ту пору не было резона» (Н. М. Карамзин). В России, как и в других восточных цивилизациях, не было того раскола, отчуждения индивида от государства, публичной власти, который произошел в Древнем Риме. Патриархально-общинный экономический уклад предполагал патриархальную государственность с «царем-батюшкой». Российская правовая система сформировалась на иной, чем в Риме, социальной почве, на совершенно другом культурно-историческом фундаменте.

Для понимания причин, обусловивших возникновение в Древнем Риме «бесконечного разрыва нравственной жизни на две крайности» и формирование исходных римских правовых идей, взглядов, следует, как предлагал Р. Иеринг, «оставить дома весь наш теперешний образ представления о государстве и правовом порядке, когда вступаем на древнеримскую почву»⁴. Состояние необузданности и беззакония – это, по его мнению, правовые истоки Древнего Рима. Его основателями были разбойники, изгнанные из общины, искатели приключений, оставившие дома своих богов, «скопище индивидуумов, атомов, ничем не соединенных, кроме своего неукротимого духа и общей цели грабежа»⁵. Квинтэссенция древнеримского воззрения на жизнь и право заключалась в том, что каждый отдельный индивид сам своим мечом и копьем

¹ Антология мировой мысли. Т. 1. С. 505.

² Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Т. XV. Вып. 1–4. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1876. С. 596.

³ Там же. С. 593. Л. И. Петражицкий еще более категорично заявлял о том, что римское деление права в том виде, в каком оно теперь существует, «с теоретической точки зрения вообще несостоятельно и покоится на недоразумениях» (*Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. С. 648–649.*)

⁴ *Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1875. С. 94.*

⁵ Там же. С. 82.

может творить собственное право, устанавливать границы дозволенного, присваивать чужую собственность и защищать ее от других¹.

Как справедливо отмечал Гегель, когда общественная природа людей не находит своего выражения и вынуждена искать выход в особенностях, она настолько искажается, что направляет всю свою силу на отделение от других и в утверждении своего обособления доходит до безумия. А безумие, по его мнению, есть не что иное, как полное обособление индивидуума от своего рода². Анализируя становление и развитие римского государства, Гегель, как и Р. Иеринг, обращал внимание на то, что Рим с самого начала был чем-то искусственным, насильственным, что возник он как разбойничье государство. Из такого происхождения вытекает не нравственная связь, достойная свободных людей, а вынужденная субординация. Основа римского государства – римская семья – формировалась не в результате глубокой связи, взаимного влечения, а путем насилия, захвата; первые римляне именно так добывали себе жен³. За суровость, которая проявлялась к римлянину в государстве, он вознаграждался суровостью иного рода, которую он проявлял по отношению к своей семье: с одной стороны, он был рабом, с другой – деспотом; это, по Гегелю, составляло римское величие.

Несвободной, бездушной и бессердечной рассудочности римского мира, по мнению Гегеля, мы обязаны возникновением и развитием положительного права; римляне придумали правовой принцип, внешний, т. е. не зависящий от настроения и чувства, произвели великое правовое разграничение, они формально подарили нам многое, но мы не должны делать себя жертвами этой сухой рассудочности, «считая ее для себя окончательным воплощением мудрости и разума»⁴.

Сами римляне, по его представлениям, оказались жертвами своей рассудочности; римское частное право стало небытием, непризнанием личности, это состояние права есть совершенное бесправие, субъект по принципу своей личности имеет право только на владение, а личность, возвышающаяся над всеми личностями, – на владение всеми, так что единичное право в то же время снимается и оказывается бесправием; он усматривал в этом несчастье римского мира. Гегель связывал гибель Рима с разложением целого (государственного строя), падением единичных лиц до уровня частных лиц: «Живой государственный организм и одушевлявший его римский образ мыслей низведены теперь к раздробленности мертвого частного права. Подобно тому как при гниении физического тела каждая точка его начинает жить своею отдельной жизнью, но это лишь жалкая жизнь червей, так и здесь государственный организм распался на атомы частных лиц»⁵. Само развитие частного права, по его мнению, было связано с распадом римской государственности, политической жизни. Созданное Древним Римом положительное право не является результатом нравственного развития, оно не есть «окончательное воплощение мудрости и разума», а лишь холодной рассудочности. Деление права на публичное и частное не содержит нравственной идеи, внутреннего принципа правового развития, а выражает лишь противопоставление абстрактной всеобщности государства частным, партикулярным интересам его граждан.

Гегелевский суровый, «патолого-анатомический» диагноз состояния гражданско-правового строя Древнего Рима периода его разложения на атомы частных лиц, а также его «холодный» скепсис в отношении созданного римскими юристами «великого правового разграничения» – это сигнал для убежденных сторонников формулы Ульпиана к ее критическому переосмыслению. Гегель и Иеринг пришли к одному и тому же «знаменателю», к выводу о том, что римское государство – не естественное образование, возникшее в ходе закономерного развития социума; что оно было создано искусственно в результате принудительного объединения преступников, авантюристов, других антисоциальных элементов. Древний Рим – это не норма, не эталон нравственно-правового генезиса, естественного созревания государственного строя, скорее социальная аномалия.

¹ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 95.

² Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 176.

³ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. VIII: Философия истории. М.; Л.: Гос. изд-во, 1935. С. 267–270.

⁴ Там же. С. 273.

⁵ Там же. С. 299–300.

Римское деление права на частное и публичное хотя и основано на идеях греческих мыслителей, но включает в себе совсем иной, антисоциальный смысл. В нем частное понималось не как часть целого, элемент правовой всеобщности, что было свойственно общественному сознанию в полисной демократии, а в смысле отчужденности индивида от государства, социума¹. Индивид как частное лицо в Древнем Риме – это отдельный правовой мир, самостоятельный, не зависимый от других лиц правовой атом, противостоящий им и государству. Для него государство, империя есть не его правовое продолжение, а враждебная ему внешняя политическая сила. В Риме в эпоху распада государственного организма одному правовому атому – индивиду – противостоял другой правовой атом – государство. Римская империя, поскольку она перестала служить общим интересам, по сути сама оказалась частным лицом.

Современная западная цивилизация унаследовала от Древнего Рима не только право, но и римский атомический индивидуализм. Без этой субъективной основы, без восприятия себя в качестве социального атома мертвое римское право, очевидно, невозможно было бы реанимировать в средневековой Европе. Привлекательность идеи частного права для европейцев, на наш взгляд, в значительной мере определяется привитым им в период римского владычества индивидуалистическим типом сознания, тем эгоизмом, который делает «себя самого средоточием мира»². Не обузданный эгоизм, с одной стороны, порождает социальное отчуждение индивида, стремление обособиться от государства; с другой стороны, приводит к возрождению в Европе римского имперского духа, римских амбиций к завоеванию мира и римской идеи силы как основы публичного права.

Как утверждали О. Шпенглер и А. Дж. Тойнби, два знатока современной западной цивилизации, *Homo Occidentalis* (человек западный) – отнюдь не добрый христианин, аскет, проповедующий свободу и любовь к ближнему, а колонизатор, завоеватель, стремящийся «превратить всю земную поверхность в единую колониальную область и экономическую систему»³; он постепенно утратил страх перед внешними врагами, возможностью военного вторжения со стороны других народов, иных цивилизаций, сам стал постоянной угрозой миру и в этом стремлении достиг искомой цели – всемирного экономического, политического и культурного господства⁴. Западный человек сделал то, чего не смогли осуществить римские легионеры, воплотил их мечту о мировом господстве в жизнь.

В сфере права европейцы не просто заимствовали отдельные идеи, классификации, принципы, конструкции и институты римского права. Освоение чужого правового опыта не ограничилось внешней формой, римский дух проник в политическое и правовое сознание, он сегодня определяет образ мыслей современных западных юристов, постановку и решение ими практических правовых задач⁵. Как утверждал Р. Иеринг, «наше юридическое мышление, наш метод, наша манера созерцания, короче, все наше юридическое образование сделалось римским»⁶.

Возможно, по этой причине западная правовая наука пошла не по пути формирования принципиально новой системы права, отражающей современные реалии и основывающейся на ином высшем делении правовых сфер, а по пути укрепления теоретического фундамента «развалины великолепного здания» (М. М. Сперанский) римского права. На протяжении нескольких столетий лучшие умы Европы пытаются разрешить неразрешимые противоречия, обосновать логическую стройность и уни-

¹ Р. Иеринг отмечал, что сходство римлян с греками в правовой сфере является мнимым, хотя римские юристы и заимствовали многие греческие идеи, но их правовые понятия и институты имели существенное отличие от греческих: «Сколько бы ни насчитали отдельных учреждений, законов, обычаев, которые были общи Римлянам и Грекам, – ни в одной области нельзя так легко и так верно познать независимость Римлян от Греков и своеобразность всего их существа, как в области права» (Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 272).

² Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 273.

³ Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. М.: Айрис-пресс, 2003. Т. 1. С. 394, 475.

⁴ Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. С. 245.

⁵ Так, Г. Дернбург заявлял, что римское деление есть «высшее деление науки о праве, а также всего его содержания», имеющее «не только научное, но и практическое значение» (Дернбург Г. Пандекты: перевод с немецкого. Общая часть. Т. 1. М.: Универ. тип., 1906. С. 53).

⁶ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 12.

версальный характер римского деления права, необходимость его использования в будущем. Многие известные западные юристы до сих пор убеждены в том, что в нем заключена сущность права, его социальная природа.

Римский правовой дух оказал заметное влияние и на западное философское сознание. В концепциях идеального правового мироустройства Канта и Гегеля римское высшее деление права было взято за основу, хотя и с некоторыми оговорками, коррективами. Кант полагал, что частное право соответствует естественному состоянию общества, публичное же право – гражданскому состоянию, при этом под гражданским состоянием он понимал состояние, «гарантирующее мое и твое посредством публичных законов»¹. Публичное право, по Канту, представляет собой систему законов, изданных для народа или для множества народов, оно призвано создать правовое состояние, когда действует одна, объединяющая их воля, нуждающаяся в конституции. Чтобы гарантировать возможность ненасильственного существования, необходимо, по его мнению, выйти из естественного состояния, в котором каждый поступает по собственному разумению, и объединиться со всеми остальными, с тем чтобы подчиниться внешнему, опирающемуся на публичное право принуждению, т. е. вступить в гражданское состояние. В естественном состоянии «хотя и можно по *правовым* понятиям каждого приобретать нечто внешнее путем завладения или договора, но такое приобретение все же лишь *предварительное*, пока оно не санкционируется публичным законом, потому что это приобретение не определено никакой общественной (распределяющей) справедливостью и не гарантировано никакой осуществляющей это право властью»². Таким образом, только наличие внешней власти, основывающейся на публичных законах, есть гарантия частных прав. К публичному праву Кант относил не только государственное право, но и международное, которое, по его словам, необходимо подводить к идее права государства народов или права гражданства мира³.

Кантовский критерий деления права на частное и публичное, основанный на разграничении состояний общества (естественное и гражданское), не получил признания в юридической науке. Как представляется, причина кроется не в абстрактности сформулированного им критерия деления, а во внутренних противоречиях, заключенных в его концепции. В самом деле, можно ли говорить о частном праве как праве вообще, когда еще не существует правового состояния? Это скорее предправо, чем право в собственном смысле. Если частное право по своей природе является естественным, то в гражданском состоянии, когда отношения между частными лицами опосредуются публичной властью, оно должно трансформироваться в публичное. Кроме того, вызывает сомнение исходный кантовский тезис о естественной природе частного права. Как уже отмечалось ранее, оно было естественным для Древнего Рима и для производной от него западной цивилизации, но не для всего человечества. Не случайно, на наш взгляд, кроме романо-германской правовой системы нигде в мире, в других правовых культурах нет деления права на частное и публичное; даже в англосаксонском праве, где традиции Древнего Рима еще живы, классификация Ульпиана не стала «высшим правовым делением».

Гегель рассматривал деление права на частное и публичное сквозь призму соотношения особенного и всеобщего, частной сферы (частного блага, семьи, гражданского общества) и государства. Особенный интерес одного лица, по Гегелю, не реализуется в праве обособленно от интересов других лиц; интерес семьи, гражданского общества должен концентрироваться в государстве, но при этом всеобщность цели не может достигаться без осуществления особых интересов, особой воли, которая должна сохранять свое право: «Всеобщее должно деятельно осуществляться, но вместе с тем субъективность должна обрести полное и жизненное развитие»⁴. По отношению к сфере частного права для Гегеля государство есть, с одной стороны, внешняя необходимость и высшая власть, природе которой подчинены и от которой зависят частно-правовые законы и интересы; с другой стороны, имманентная цель сферы частного

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 152.

² Там же. С. 233.

³ Там же. С. 231–232.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 286.

права, и его сила – в единстве его всеобщей конечной цели и особенного интереса индивидов.

По Гегелю, «в частноправовом и моральном отсутствует *действительная* необходимость отношения и, следовательно, налично лишь *абстрактное* равенство содержания; то, что в этих абстрактных сферах есть право для одного, должно быть правом и для другого, и то, что есть обязанность одного, должно быть обязанностью и для другого»¹. Индивидуальность и ее особенные интересы получают признание в частном праве и вместе с тем переходят в интерес всеобщего, признают его как свой собственный интерес, действуют для него как для своей конечной цели. Часть имеет смысл и должна рассматриваться лишь в ее отношении к целому, частное право (как право индивидуальности) должно быть соотнесено с всеобщим. «Все дело – в единстве всеобщности и особенности в государстве»², – заключает Гегель.

Гегелевский критерий разделения права на частное и публичное, как и аналогичный критерий, сформулированный Аристотелем (который, напомним, предложил делить законы на частные и общие), представляет научный интерес, как и сама идея достижения в праве единства всеобщности и особенности. Однако немецкий философ приложил эту идею к уже существующей системе права, которая выстроена в другой парадигме, зиждется на принципах противостояния частного интереса публичному, индивида – государству. Чтобы эту идею практически осуществить, необходимо кардинально перестроить все существующие правовые институты, пересмотреть правовые понятия, конструкции. Более того, придется изгнать из частного права его римский дух.

Попытки подвести под римскую систему права современный философско-правовой фундамент, смягчить заключенную в ней исходную жесткость римских правовых нравов, придать ей отвечающую требованиям современной правовой культуры адекватную форму, на наш взгляд, неконструктивны, обречены на провал. Проблема заключается не только в основаниях деления права на частное и публичное, т. е. в фундаменте, но и в самой системе, в ее элементах: в понимании собственности, договора, правовых отношений, роли государства в правовой коммуникации и т. д.

Уже в период формирования римского права идея господства лица над вещью (обозначаемая термином «*dominium*») стала исходной, определяющей для понимания сути правового отношения собственности, вещного права. В I в. н. э. юристы начали постепенно ограничивать это господство собственника, устанавливая для него юридические пределы, но при этом сама идея господства лица над вещью сохранилась: «Классическая юриспруденция понимала собственность как неограниченное и исключительное правовое господство лица над вещью, как право, свободное от ограничений по самому своему существу и абсолютное по своей защите»³. Как отмечает Д. В. Дождев, «непосредственность связи индивида с вещью наделяет собственность свойствами первичного и основополагающего частного права»⁴.

Попытки приложить исходные римские представления о праве собственности, да и о вещном праве в целом, к современной правовой реальности наталкиваются на ряд препятствий.

Во-первых, государство начиная с XIX в. основательно вторглось в отношения собственности, опосредовало их, все более ограничивая права собственника. По сути, собственность перестала быть правом неограниченного и исключительного господства лица над вещью. Как заметил Р. Иеринг, общество становится все более алчным, более притязательным по отношению к личности, к собственнику: «Неправда, что собственность по самой „идее“ ее заключает в себе право абсолютного распоряжения. Общество не может допустить и никогда не допускало собственности в таком виде; „идея“ собственности не может заключать в себе ничего такого, что бы противоречило „идее“ общества»⁵. Л. Дюги, исходя из тенденций развития современного пра-

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. С. 287.

² Там же. С. 288.

³ Римское частное право: учеб. С. 204. И. А. Покровский также писал о том, что право собственности в древнеримском праве «предоставляет собственнику в принципе полную власть над вещью» (Покровский И. А. История римского права. СПб.: Юрид. книжн. склад «Право», 1913. С. 324).

⁴ Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2003. С. 377.

⁵ Иеринг Р. Цель в праве. СПб.: Н. В. Муравьев, 1881. Т. 1. С. 379.

ва, также утверждал, что законодатель может создать для собственника любые ограничения, соответствующие общественным нуждам, собственность не принадлежит к числу священных и неприкосновенных прав; собственник «не может претендовать на другое право, кроме как только на возможность свободно, полно и совершенно выполнять социальную функцию собственника»¹.

Во-вторых, римское понимание собственности как непосредственной связи индивида с вещью, т. е. субъект-объектного отношения, не соответствует современным представлениям о социальной природе права и о предмете правового регулирования. Право не регулирует отношения между лицом и вещью, это не его предмет, оно опосредует отношения между лицами. Стремление юристов обосновать особую природу вещного права, его особый предмет ведет цивилистику в тупик. Законодатель, следуя римской традиции, устанавливает правомочия собственника по отношению к вещи, а социальная природа права «требует» от него закрепления прав собственника по отношению к государству, к третьим лицам (прежде всего на юридическую защиту, на регистрацию, на государственное признание права собственности и т. д.).

В-третьих, и это самое главное, собственность в современном западном и российском праве перестала быть частной в римском ее понимании. Она давно стала социальным фактом, социальным явлением. Она возникает не с момента захвата вещи, овладения, господства над ней, а с момента государственной регистрации права собственности (в отношении недвижимых вещей) или с момента, установленного законом (в отношении движимых вещей). Собственность в современном праве создается и защищается не мечом и копьем, как в Древнем Риме, а системой правопорядка: законодательными актами, судебными решениями, органами государственной регистрации прав на недвижимое имущество, БТИ, нотариальными свидетельствами о праве собственности, кадастрами, реестрами и т. д. За две с половиной тысячи лет собственность изменила свою природу, стала социальной, ее нельзя оценивать взглядом римских разбойников, промышлявших под предводительством двух легендарных «частных лиц»: Ромула и Рема.

Не только собственность, но и договор в современном праве – это не проявление произвола частных лиц, как в древнеримском праве. Договор лишь тогда становится правовым явлением, когда в нем соблюдены требования законодателя, когда он встраивается в существующую систему правопорядка. Стороны договора взаимодействуют друг с другом не как частные лица, а как участники глобальной, всеобщей правовой коммуникации, наделенные правосубъектностью, правами и обязанностями. Без этого признания, без правосубъектности нет договорно-правовых отношений, невозможна юридическая защита заключенных сторонами соглашений. С учетом современных правовых реалий римский взгляд на договор как соглашение двух частных особей, порождающих право исключительно своей собственной волей, представляется неконструктивным.

Еще менее приложим к существующему праву римский правовой взгляд на семью. В нем выражено безнравственное отношение отцов римских семейств к своим родным и близким, когда жена и дети рассматриваются как имущественная масса, приравниваются в своем правовом положении к рабам. Как и в собственности, принцип *dominium* в семейном праве имел решающее значение. В семейном деспотизме наиболее полно проявлялась бездушная и бессердечная рассудочность римского мира, о которой писал Гегель. Современное семейное право давно перестало быть сферой произвола частных лиц, оно не нуждается в римском правовом подходе к регулированию данного вида отношений.

Идея публичного права в ее древнеримском понимании также вызывает принципиальные возражения. Когда власть (*imperium*) рассматривается как источник публичного права, то закономерно возникает вопрос о разграничении двух коммуникативных систем: политической и правовой. Н. Луман утверждал, что смешение политики и права произошло в Новое время², однако, учитывая сформировавшееся в римской правовой системе разделение двух социально-правовых сфер, можно утверждать, что оно произошло значительно раньше – в Античности, в Древнем Риме.

¹ Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 905.

² Luhmann N. Law as a social system. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 357, 363.

Это смешение, «узаконенное» посредством высшего правового деления, до сих пор определяет особый характер публично-правовых отношений и специфику правового регулирования организации и деятельности государственной власти в европейских странах.

Многие зарубежные и российские правоведы отмечали политически-властную природу публичного права, его принципиальную несхожесть с частным правом, которое основано на совершенно иных принципах взаимодействия субъектов. Например, Л. Эннекцерус писал о том, что «частное право регулирует правоотношения отдельных лиц как таковых на основе равенства»; в публичном же праве, «поскольку речь идет об отношениях между обществом и его членами, преобладает принцип господства и подчинения»¹. Решающим моментом для установления публично-правовой природы правоотношений, по его концепции, является то, участвует ли в нем «публичная организация – носитель публичной власти как таковой»².

Схожую позицию по поводу деления права на частное и публичное занимал немецкий юрист Г. Еллинек. По его мнению, различие частного и публичного права может быть сведено к той основной идее, что частное право регулирует взаимные отношения индивидов как таковых, «между тем как публичное право нормирует отношения между различными субъектами власти или организацию и функции субъектов власти и их отношения к подчиненным этой власти»³; «публичное право есть то право, которое связывает обладающее верховной властью общество в его отношениях к равным и подчиненным ему лицам»⁴.

Принципиальное различие между частным и публичным правом также отмечал Л. Гумплович: «В то время как частное право представляет из себя норму, правило, предписание для суждения об известных деяниях и отношениях отдельных личностей, – государственное право является юридическим *выражением действительных отношений властвования* (выделено мной. – С. А.)»⁵. По его убеждению, государство посредством государственного права (немецкие юристы рассматривали государственное право как важнейший элемент, часть публичного права) защищает, охраняет не личность, а свое собственное существование, «слово „право“ употребляется здесь совсем не в обычном смысле, так как в данном случае оно не обозначает тех постановлений, которые издаются государством для соблюдения их отдельными лицами; нет, здесь оно означает самую организацию, поддерживающую государство; тут под словом „право“ кроется совокупность тех мероприятий, которыми оперирует государство для сохранения своей силы, для того, чтобы осуществлять свое властвование и справляться со своими судебными и карательными функциями»⁶.

Л. Гумплович, на наш взгляд, наиболее точно и верно обозначил политическую природу публичного права, справедливо утверждая, что государство не просто выступает в качестве полномочного посредника в правовом общении, оно далеко выходит за эти рамки, берет на себя миссию властителя, господина, который диктует своим гражданам собственную волю. Публичное (государственное) право – это совсем не то, что обычно понимается под правом, это политическая власть, которая облечена во внешнюю юридическую форму.

Начиная с Древнего Рима в западном мире произошло смешение двух коммуникативных систем: политики и права. Римское публичное право внешне, поскольку представляло собой совокупность принятых компетентными органами законов, других нормативных актов, признавалось правом, однако по своей сути, по духу было облеченным в юридическую форму политическим господством государства над своими подданными. Когда одни владеют имуществом, включая рабов, жен и детей, другие же, находящиеся на вершине власти, владеют всеми, то это не правовая коммуника-

¹ Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1. Полутом 1: Введение и общая часть. М.: Изд-во иностранной лит., 1949. С. 22, 127–132.

² Там же. С. 130.

³ Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1903. С. 249.

⁴ Там же. С. 251. Среди современных российских правоведов есть также сторонники данной точки зрения. См., например: Брагинский М. И. О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. / отв. ред. В. Н. Литовкин, В. А. Рахмилович. М.: Городец, 2000. С. 68.

⁵ Гумплович Л. Общее учение о государстве. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. С. 380.

⁶ Там же. С. 379–380.

ция, а узаконенное бесправие. Гегель, на наш взгляд, прав в том, что римское деление права на частное и публичное не содержит внутреннего принципа правового развития, в нем не заключена идея права с точки зрения ее осуществления.

Римское деление права на частное и публичное, а вместе с ним и идея правовой отчужденности личности, индивида от государства стали достоянием западноевропейской теории правового государства. Государство в этом философском учении не изменило своей политической природы, оно не стало по-настоящему правовым лицом, целью которого является служение праву и всеобщим интересам. Сторонники теории правового государства декларируют правовые идеалы, права человека, высшую ценность человеческой личности, но в системе государственного устройства человеку по-прежнему противостоит суверен, который властвует над ним, является по отношению к нему «высшим существом», господином¹. В рамках данной теории не произошло разграничения двух коммуникативных систем: права и политики.

Правовая и политическая коммуникации – это конкурирующие системы, у них разные исходные идеи и принципы. В основе правовой коммуникации лежат идеи свободы, справедливости, формального равенства субъектов, совмещения их интересов (напомним, по Канту, право есть «совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»); в основе политической – идея власти, социального господства. У каждой из этих коммуникативных систем – свои собственные предпосылки, внутренняя «логика», каждая предполагает свою всемирную социальную историю и ее конечную цель.

В современной юридической литературе доминирует точка зрения, согласно которой правовое отношение по своей природе есть отношение власти и подчинения². В основе данного утверждения, на наш взгляд, лежит предположение, что без политической власти невозможно обеспечить действие правовых норм. Требования правовых норм должны быть гарантированы, в том числе принудительно, но из этого тезиса не следует вывод о том, что право не может существовать без политической власти, что правовое отношение есть властеотношение. Если взять за основу наиболее «чистую» форму правовой коммуникации, а именно отношения договорные, обязательственные, то можно заметить, что они не являются по своей природе властными отношениями, основаны на других коммуникативных началах. Главной гарантией их осуществления выступают собственные интересы, взаимная выгода участников коммуникации, политическая же власть представляет собой инородный элемент в этом правовом общении свободных и равных субъектов.

Государство как политически властвующий субъект не гарант права, как полагают сторонники идеи властеотношений, а его главный враг. Механизмы, обеспечивающие принудительное осуществление правовых норм, должны существовать и использоваться в правовой коммуникации как вспомогательное средство, дополняющее систему внутренних стимулов участников отношений, но они должны принадлежать не Левиафану, а государству – служителю правопорядка. В правовой коммуникации недопустимо присутствие в качестве гарантов и посредников политически суверенных государств, независимых от своих граждан и от международно-правового порядка.

Римское деление права на частное и публичное представляет сегодня не только теоретическую проблему для российской юридической науки и законодателя. Результатом заимствования древнеримского опыта разделения правовых сфер и использования в отечественном праве частноправового и публично-правового подходов к правовому регулированию общественных отношений стали весьма негативные для страны социальные последствия. Две глобальные социальные катастрофы, пережитые Россией в двадцатом столетии (крушение Российской империи в 1917 г. и распад СССР в 1991 г.), на наш взгляд, тесно связаны с использованием западных, римских технологий в нашей социально-правовой среде.

¹ Подробнее см.: *Архипов С. И.* Теория восходящего правового развития человечества: основные недостатки и пути их устранения // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 5. С. 5–17. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_5. С. 8; *Его же.* Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 173.

² См., например: *Поляков А. В.* Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде науч. доклада. СПб., 2002. С. 62.

В конце XIX в. после отмены крепостного права российский законодатель избрал путь кардинального реформирования страны по западному образцу, предполагающему переход от общественной, коллективной к частной собственности на землю. В стране, где на протяжении веков существовал общинный уклад и соответствующий ему патриархальный тип государственности, без необходимых социальных «амортизаторов», без учета существенных культурно-исторических различий Запада и России начал внедряться инородный опыт частнопроводного регулирования, что в конечном счете привело к социальной катастрофе. Политические революции и крушение Российской империи стали следствием разрушения исходного социально-правового фундамента страны.

Вторая социальная катастрофа (1991 г.) в значительной степени была обусловлена другой правовой крайностью – публично-правовым регулированием социальных отношений. Отказ от всего частного во имя идеи построения коммунистического общества, в котором нет права, государства и социальных антагонизмов, после временного революционного энтузиазма и эйфории от скорого приближения «светлого будущего» привел к утрате экономических, «материальных» стимулов к труду, предпринимательского «духа», а также чувства, «инстинкта» собственности, следствием чего стало экономическое банкротство советского государства. Советское право, основанное на политической идеологии, системе властеотношений, игнорирующее частные интересы, фактор частной собственности, в жесткой конкурентной борьбе проиграло западной правовой системе ценностей. Идеи частной собственности, правовой свободы оказались более живучими, чем предполагали сторонники коммунистических идеалов.

Оставаясь в рамках частно/публичной парадигмы, отечественный законодатель рискует ввергнуть страну в очередную, третью, глобальную социально-правовую катастрофу, которая может оказаться последней для российской цивилизации. На наш взгляд, римское деление права и основанные на нем подходы к регулированию общественных отношений не отражают социальную природу права, его сущность и предназначение. Для России, которая сегодня находится на цивилизационной развилке, назрела необходимость искать другие подходы к правовому регулированию, основанные на иных критериях разделения правовых сфер. Следует формировать такую систему права, которая не является заложницей исторического прошлого, нацелена на будущее, на социально-правовой прогресс человечества.

Список литературы

Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1: Античный мир и Восточные цивилизации. М.: Мысль, 1999. 750 с.

Аристотель. Риторика / пер. с гр. Н. Платоновой. СПб.: Тип. В. С. Балашева и К., 1894. 204 с.

Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 272 с.

Архипов С. И. Теория восходящего правового развития человечества: основные недостатки и пути их устранения // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 5. С. 5–17. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_5.

Брагинский М. И. О месте гражданского права в системе «право публичное – право частное» // Проблемы современного гражданского права: сб. ст. / отв. ред. В. Н. Литовкин, В. А. Рахмилович. М.: Городец, 2000. С. 46–80.

Гегель Г. В. Ф. Политические произведения. М.: Наука, 1978. 437 с.

Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. VIII: Философия истории. М.; Л.: Гос. изд-во, 1935. 470 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

Гумплович Л. Общее учение о государстве. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1910. 516 с.

Демосфен. Речи: в 3 т. / отв. ред. Е. С. Голубцова и др.; пер. с гр. В. Г. Баруховича и др. Т. 1. М.: Памятники исторической мысли, 1994. 608 с.

Дернбург Г. Пандекты: перевод с немецкого. Общая часть. Т. 1. М.: Универ. тип., 1906. 481 с.

Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2003. 784 с.

Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. 957 с.

Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1903. 532 с.

Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1875. 309 с.

- Иеринг Р. Цель в праве. СПб.: Н. В. Муравьев, 1881. Т. 1. 412 с.
- Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. 478 с.
- Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. С. 319–758.
- Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998. 798 с.
- Покровский И. А. История римского права. СПб.: Юрид. книжн. склад «Право», 1913. 572 с.
- Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде науч. доклада. СПб., 2002. 94 с.
- Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: КНОРУС, 2014. 608 с.
- Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Т. XV. Вып. 1–4. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1876. 678 с.
- Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
- Шершеневич Г. Ф. Общая теория права: учеб. пособие: в 2 т. Т. 2. Вып. 2, 3, 4. М.: Юрид. колледж МГУ, 1995. 362 с.
- Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. М.: Айрис-пресс, 2003. Т. 1. 528 с.
- Эннексерус Л. Курс германского гражданского права. Т. 1. Полутом 1: Введение и общая часть. М.: Изд-во иностранной лит., 1949. 432 с.
- Luhmann N. Law as a social system. Oxford: Oxford University Press, 2004. 498 p.

References

- Antologiya mirovoi pravovoi mysli: v 5 t. T. 1: Antichnyi mir i Vostochnye tsivilizatsii* (1999) [Anthology of world legal thought: in 5 volumes. Vol. 1: The Ancient World and Eastern Civilizations]. Moscow, Mysl', 750 p.
- Aristotel' (1894) *Ritorika* [Rhetoric], transl. from ancient Greek by N. Platonova. Saint-Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva i K., 204 p.
- Arhipov S. I. (2024) *Teoriya voskhodyashchego pravovogo razvitiya chelovechestva: osnovnye nedostatki i puti ikh ustraneniya* [The theory of the ascending legal development of mankind: the main disadvantages and ways to eliminate]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 5–17, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_5.
- Arhipov S. I. (2025) *Pravovoi progress: zarozhdenie, razvitie, krizis idei: monografiya* [Legal progress: origin, development, crisis of the idea: monography]. Moscow, Norma: INFRA-M, 272 p.
- Braginskii M. I. (2000) *O meste grazhdanskogo prava v sisteme «pravo publichnoe – pravo chastnoe»* [On the place of civil law in the system «public law – private law»]. In Litovkin V. N., Rakhmilovich V. A. (Eds.) *Problemy sovremennogo grazhdanskogo prava: sbornik statei*. Moscow, Gorodets, pp. 46–80.
- Demosfen (1994) *Rech'i: v 3 t. T. 1* [Speeches: in 3 volumes. Vol. 1], ed. by E. S. Golubtsova, et al. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli, 608 p.
- Dernburg G. (1906) *Pandekty: perevod s nemetskogo. Obshchaya chast'. T. 1* [Pandects: translated from German. The general part. Vol. 1]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 481 p.
- Dozhdev D. V. (2003) *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik dlya vuzov* [Roman private law: textbook for universities], 2nd ed., revised and add. Moscow, Norma, 784 p.
- Dyugi L. (1908) *Konstitutsionnoe pravo. Obshchaya teoriya gosudarstva* [Constitutional law. The general theory of the state]. Moscow, Tipografiya tovarishchestva I. D. Sytina, 957 p.
- Ellinek G. (1903) *Obshchee uchenie o gosudarstve* [The general doctrine of the state]. Saint-Petersburg, Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 532 p.
- Ennektserus L. (1949) *Kurs germanskogo grazhdanskogo prava. T. 1. Polutom 1: Vvedenie i obshchaya chast'* [Course of German civil law. Vol. 1. Half volume 1: Introduction and general part]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 432 p.
- Gegel' G. V. F. (1935) *Sochineniya. T. VIII: Filosofiya istorii* [Essays. Vol. VIII: Philosophy of History]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 470 p.
- Gegel' G. V. F. (1978) *Politicheskie proizvedeniya* [Political works]. Moscow, Nauka, 437 p.
- Gegel' G. V. F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]. Moscow, Mysl', 524 p.
- Gumplovich L. (1910) *Obshchee uchenie o gosudarstve* [The general doctrine of the state]. Saint-Petersburg, Tipografiya tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 516 p.
- Iering R. (1875) *Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya. Ch. 1* [The spirit of Roman law at various stages of its development. Part 1]. Saint-Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i komp., 309 p.
- Iering R. (1881) *Tsel' v prave. T. 1* [The goal in law. Vol. 1]. Saint-Petersburg, N. V. Murav'ev, 412 p.
- Kant I. (1965) *Sochineniya: v 6 t. T. 4. Ch. 2* [Essays: in 6 volumes. Vol. 4. Part 2]. Moscow, Mysl', 478 p.
- Luhmann N. (2004) *Law as a social system*. Oxford, Oxford University Press, 498 p.
- Novitskii I. B., Pereterskii I. S. (Eds.) (2014) *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik* [Roman private law: textbook]. Moscow, KNORUS, 608 p.

Petrzhitskii L. I. (1910) *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriei npravstvennosti: v 2 t. T. 2* [Theory of law and the state in connection with the theory of morality: in 2 vols. Vol. 2], 2nd ed., revised and add. Saint-Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva, pp. 319–758.

Platon (1998) *Gosudarstvo. Zakony. Politik* [State. Laws. Politik]. Moscow, Mysl', 798 p.

Pokrovskii I. A. (1913) *Istoriya rimskogo prava* [The history of Roman law]. Saint-Petersburg, Yuridicheskii knizhnyi sklad «Pravo», 572 p.

Polyakov A. V. (2002) *Kommunikativnaya kontseptsiya prava (genesis i teoretiko-pravovoe obosnovanie): dis. ... d-ra yurid. nauk v vide nauchnogo doklada* [The communicative concept of law (genesis and theoretical and legal substantiation): a doctor of legal sciences thesis]. Saint-Petersburg, 94 p.

Russkaya starina. Ezhemesyachnoe istoricheskoe izdanie. T. XV. Vyp. 1–4 (1876) [Russian antiquity. Monthly historical publication. Vol. XV. Issues 1–4]. Saint-Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva, 678 p.

Shershenevich G. F. (1995) *Obshchaya teoriya prava: uchebnoe posobie: v 2 t. T. 2. Vyp. 2, 3, 4* [General theory of law: textbook: in 2 volumes. Vol. 2. Is. 2, 3, 4]. Moscow, Yuridicheskii kolledzh MGU, 362 p.

Shpengler O. (2003) *Zakat Evropy: v 2 t. T. 1* [The Decline of Europe: in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, Airis-press, 528 p.

Toinbi A. Dzh. (1991) *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow, Progress, 736 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.12.2024

Дата принятия рукописи в печать: 28.04.2025